

ДЕТСКОЕ СЧАСТЬЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ

проф. д-р **Янакиева Е.**,
Югозападный Университет им. Неофита Рильского (Болгария)

Annotation:

This study starts a discussion of the constructs of pedagogical axiology and the children's happiness and life satisfaction. It examines the important of family interpersonal relationships, child's interpersonal status in a reference group of children, influence of television broadcast and moral potential of figurative toys.

Key words: pedagogical axiology, children's happiness, behavioral patterns of happiness, toys.

Аннотация.

Это исследование посвящено дискуссии о содержании педагогической аксиологии, детского счастья и удовлетворению ребенка своей собственной жизнью. Анализируются такие важные факторы как роль междуличностных взаимоотношений в семье, междуличностный статус ребенка в референтной детской группе, влияние содержания телевизионных передач и моральный потенциал образных игрушек.

Ключевые слова: педагогическая аксиология, детское счастье, поведенческие модели счастья, детские игрушки.

В связи с потребностями развития современной теории педагогической науки, так и ее экспериментальных и прикладных исследований возрастает интерес к внутреннему миру подрастающего человека. Это расширяет проблематику педагогической науки, что привело к появлению такой науки как педагогической аксиологии. Это молодая, даже юная, наука, которая имеет в качестве объекта исследования ценностей воспитания, обучения и образования. Педагогическая ценность детского счастья состоит в том, что счастливый ребенок мотивированный на достижение успеха, отличается положительной самооценки, стремится к самореализации в присущей его

возрасту деятельности, во взаимоотношения с другими людьми (ровесники и взрослые) он успешен и заражает их своими успехами и позитивными чувствами. Таким образом, счастливый ребенок как бы сам создает подкрепляющую его собственного развития окружающую среду, которая гарантирует достижения ощущения гармонии и удовлетворенности. В этом плане счастье как психическое состояние ребенка, является условием обеспечения успешности педагогической деятельности и поэтому оно нам представляется как высшая педагогическая ценность. Тем не менее необъяснимо и парадоксально то, что проблема детского счастья не проявляет себя активно как объект и предмет педагогического исследования. Ведь мы не только готовим ребенка к будущей жизни; он живет свою настоящую жизнь «здесь и сейчас» с момента своего рождения и каждое мгновение этой жизни является предпосылкой к его успехам на протяжении всей жизни. И если мы, как педагоги, уважаем право ребенка быть субъектом своего собственного развития, то мы признаем и его право на притязание на счастье.

По В.Татаркевич счастье это положительный баланс жизни, который сопровождается постоянным и полным удовлетворением; это удовлетворенность человека своей собственной жизнью. Счастье определяется чувствами – не то, что у человека есть, а то, как он реагирует на это. Достижение баланса является тот фокус, к которому ребенок может прийти с помощью взрослого (педагога); последний учитывает как внутренние факторы развития ребенка и особенности его личности, так и внешние факторы, которые складываются со стороны особенностей той социальной и природной среды, в которой протекает процесс социализации. Здесь напрашивается необходимость применения экологического подхода, так как внутренние факторы обеспечивающие счастье ребенка (здоровье, характер, самочувствие и самооценка, Я-образ, притязания, складывающаяся ценностная ориентация) во многом зависят от влияния окружающей социальной и природной среды и от

того как эти факторы взаимосвязаны между собой. С самого рождения человек стремится к достижению равновесия (баланса) своих отношений с окружающей средой, т.е. еще с первого своего крика человек стремится приобрести счастья. С этого момента начинается и расхождение в представлении ребенка и взрослого на детское счастье, при том представления взрослого чаще имеют доминантный характер, потому что они являются определяющими где и как ребенок будет удовлетворять свои потребности, как он будет проявлять свои претензии, как и когда будет самореализовываться. И это потому что ребенок полностью зависит от взрослого; взрослый решает и определяет чем и как будет счастлив ребенок. Это как бы само собой разумеющееся, но вне этой ситуации взрослые никогда не согласятся, что счастье может быть там, где всегда кто-нибудь другой решает за тебя. Ребенок не может выразить это словами, но он чувствует себя счастлив именно тогда, когда получить возможность «вырваться на свободу», не принимать директивы на счастья, которые исходят от взрослого и принять самостоятельное решение. И иначе быть не может. Поэтому что бы получить от ребенка кузнеца своего счастья сначала необходимо помочь ему быть счастливым в детстве, понять что это такое счастье, формировать необходимые для счастья качества. За то нам очень важны те педагогические технологии, которые в максимальной степени обеспечивают ребенку субъектной позиции по отношению своей собственной жизни, т.е. обеспечивают свободу выбора и свободу действия. Это одна из процессуальных сторон, детерминирующие внутренние факторы детского счастья. В этом направлении педагогикой уже собран достаточно большой массив исследований, особенно в области педагогики раннего возраста и дошкольной педагогики. И связано это с психологическими особенностями детей, из-за которых авторитарные методы воспитания и прямые нормативные директивы *a-priori* не могут быть доминирующими в этом возрасте и не могут определять невидимого и видимого самочувствия ребенка.

Ведущее место в ориентации ребенка на счастье принадлежит семье. И очень важно, что бы в семье ребенок был действительно счастлив. Для благополучной семьи сам ребенок является счастьем; родителям кажется, что эта сводит проблему детского счастья на нет – ведь не бывает такое, что бы у счастливых родителей был несчастный ребенок. Весьма спорный тезис, что можно увидеть на страницах многих художественных произведений и кинофильмов, которые являются более открытыми к этой проблематике. Проблема детского счастья в семье очень сложная, многоуровневая и многофакторная. Этот вопрос, к сожалению, пока не является основным в семейной педагогике, а стоило бы. Неверно было бы представить себе, что счастье ребенка является автоматической функцией родительской (иногда агрессивно всепоглощающей) любви к нему. Оно не может являться и результатом педагогического процесса, особенно требующего непрерывного педагогического сопровождения. Да и кто из взрослых придумал для этой функции педагога, ставящего его в позиции „Большой брат смотрит на тебя”, что бы в какой-то момент ребенок не остался без поддержки и не тратил впустую время, которое ему нужно для собственного, полноценного развития. Кто из нас, взрослых, согласился бы существовать в контексте такого образа жизни? Нам, как педагогам, необходимо не надзирать ребенка, не совать нос во всех его делах, в которых нас ждут и тем более – не ждут, а понять то, что происходит в широкой социальной действительности и отражается на психике детей, делает их счастливыми или несчастными, формирует их представления о счастье, влияет на формирование образа счастья и детерминирует выбора собственного поведенческого модели «дорога к счастью».

Мы предполагаем, что кроме взаимоотношения ребенка с членами собственной семьи здесь особое влияние оказывают еще два фактора. Первый фактор это взаимоотношения ребенка со сверстниками, его межличностный

статус в референтной детской группе, а второй – влияние тех моделей счастья, которые предлагаются с телевизионного экрана и интернет-пространства.

Референтная детская группа должна предоставить условия, при которых ребенок успешно будет присваивать как ценности общества, так и ценностного отношения к самому себе, что создает почву для ощущения настоящего и будущего счастья и для развития самоуважения. Очень важно создать такие межличностные отношения в детской группе, которые обеспечивают благоприятный межличностный статус каждого члена на основе его самых лучших достижений. Поэтому необходимы такие психолого-педагогические исследования, которые могли бы нам ответить на вопросов о том как обеспечить детскую самостоятельность, в чем состоит детская свобода – не только в сугубо-психологическом, но и в возрастном аспекте, какими психологическими средствами она обеспечивается, когда свобода и самостоятельность в референтной детской группе превращаются в не-свободу и не-самостоятельность отдельного ребенка, как это отражается на ребенке и на детской группе, как ребенок это чувствует и как это сказывается на его развитии и самовосприятии. И в конечном счете, мы должны себе представить какого общественного человека мы получим как цель нашего общественного воспитания, где он будет видеть своего счастья и как будет его искать.

Телевизионные передачи, которые смотрят все дети, то же проявляются как средство достижения детского счастья, так и как модель человеческого счастья вообще. Ребенок перед экраном – это иллюзорное представление о свободе ребенка, потому что у ребенка нет выбора. На ранних этапах своего развития у него нет ориентира, на базе которого можно сделать выбор и нет развитой воли, которая помогла бы ему превратить своего выбор в реальность. А подросток уже не понимает, что можно сделать и выбрать, чего смотреть и чего нет. Подрастающий человек становится «всеядным» человеком; он переваривает все – рекламы, эротика, боевики, ужастики, экшн-комедии,

хамские телевизионные шоу, пустые и непустые телевизионные дискуссии, музыкальный, литературный и журналистический кич. Таким образом, ребенок приобщается к спекулятивным ценностям, счастье для него выступает как поведенческая модель всеядного потребителя, чья цель состоит не только в том, что бы остаться потребителем, но и не дать возможность другим потреблять его самого. Демонстрация моделей поведения, характеризующиеся насилием, агрессией, сексуальной насыщенности сопровождаются углублением общей криминогенной ситуацией в посттоталитарном обществе. Все это воспринимается на фоне безнаказанности преступников, что в своей очереди воспринимается как счастливая удача, как везение и успех.

Этот процесс, конечно, сопровождается появлением особых игрушек, которые напрямую обучают детей жестокости и насилию. Здесь я не имею в виду те традиционные игрушки, которые являются образами оружия, такие как игровые автоматы, пистолеты, танки. С ними можно играть в защитника Родины и формировать у себя высшие чувства любви к отечеству и к своему народу. Здесь идет речь о тех игрушках, которые развлекают через игрового проявления немотивированной жестокости. Например развлекательный, игрушечный томагавк, чье острие сделано резиной. Она вполне безопасна, и при соприкосновении к телу партнера по игре не наносит физический вред. Но при этом соприкосновении раздается мощный звуковой сигнал – голос человека, которого только что ударили острием настоящей томагавки, человека, которого буквально зарезали. Мы успокаиваемся тем, что у ребенка нет раздвоение личности, что он осознает условности игровой ситуации, но чувства, которые при этом ребенок испытывает, являются совершенно реальными, т.е. в логике психологического анализа детской игры он испытывает удовольствием от использования томагавки как орудие причинения боли. Я далека от мысли, что упражнения с этим томагавком приведут к тому,

что ребенок вырастет как убийцей, но определенные черты характера и представления об успешной реализации вполне могут сформироваться.

И так, мы убедились в актуальности исследования проблемы детского счастья с педагогической точки зрения. Перефразируя фразу из известного фильма, можем сказать: счастье ребенка – это когда мы его понимаем. Потому что только понимание внутреннего мира ребенка, его потребности счастья и удовлетворенностью своей собственной жизни, может обеспечить нам успешность использования потенциала всей педагогической науки.

Литература

1. Маркович Д.Ж. Социальная экология М.Просвещение, 1991.
2. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.Прогресс, 1981.
3. Янакиева Елка. Антивоспитание. – ж.Народное образование.-2007.- № 9.